

Библиограф: профессия "переживает" парадигму

В середине 90-х годов прошлого столетия лингвист А. Е. Кибрик сделал попытку афористично описать будущее лингвистики [1]. Если его видение будущего лингвистики перефразировать применительно к библиографии, то нас ожидает переход от "что — библиографии" (описание ее структуры), к "как — библиографии" (описание процессов) и далее — как создание "почему — библиографии" (объяснение наблюдаемых явлений). Тем самым подчеркивается именно ценность объяснения (хотя оно видится как задача будущего), а не только описания того, что соответствует положению дел в библиографии наших дней.

На потенциальную возможность объяснения ориентируется и новое направление в отечественном библиографоведении и библиотековедении. Речь идет о когнитивной (знаниевой) парадигме библиографии. Специалисты ищут продуктивный источник объяснений в истории, культуре и практической деятельности человека. Поскольку сами когнитивные структуры нам в непосредственном опыте не даны, то предлагаются разные гипотетические механизмы, описывающие их формирование и функционирование. Например, фундаментальным является механизм, обеспечивающий систему взаимодействия человека с миром знаний без субъекта знания. Этот мир создается и интерпретируется человеком. Здесь вполне уместно сказать, что мы создаем мир с помощью нашей психики.

Из этой посылки можно сделать следующие умозаключения:

1. отражая мир знаний, библиограф интерпретирует изучаемые явления в зависимости от своих установок и понимания;
2. мир знаний в интерпретации библиографа не статичен, он постоянно преобразуется;
3. выбор библиографом методов и средств объяснения всегда учитывает уровень знаний потенциального пользователя;
4. для описания состояния или качества изучаемого явления библиограф может использовать приемы, присущие другим явлениям;
5. описывая конкретную ситуацию, библиограф постоянно помнит о возможной оценке его действий со стороны окружения и коллег — профессионалов.

В результате учета перечисленных умозаключений возникает некое новое искомое знание. Это новое знание отражает созданный библиографом мир, и это уже отражение, которое зафиксировано библиографическим языком. Созданная таким образом система отражений и изучается библиографом когнитивной ориентации. Интерпретация библиографического знания предполагает объяснение. Библиографическое объяснение по определению должно быть проще того, что оно призвано объяснить. Чтобы оно было понятно пользователю, ему надо придать "процедурный" вид. В идеале объяснение — это перечень возможных ответов на вопросы о том, что нужно изучать, как нужно это изучать и почему ценным считается изучение именно "этого", а не чего-либо иного.

Идеальное объяснение по своей природе не может быть реализовано до конца: потому оно и называется идеальным. Но осознание идеала как воплощения целей и ценностей на данном этапе развития библиографии исключительно важно для всех, работающих в ней. В современной библиографии знаниевая парадигма приобретает более четкие очертания по сравнению с тем, что было лет пятнадцать тому назад. И в этом заслуга не только

библиографии, но и других наук когнитивного цикла — философии, социологии, психологии, филологии.

В библиографии не существует четко выраженного профессионального сообщества. Главная причина заключается в исторически сложившейся традиции. Так, профессиональное сообщество одного научного направления отличается от другого через предмет конкретной науки. Вокруг предмета идет формирование профессии. В библиографии такой подход невозможен в принципе, нельзя выделить класс библиографов только по принадлежности к предмету библиографии. В библиографии несколько разных предметов. В ней формирование профессии идет другим путем — через изучение системы коммуникации сообщества, через изучение системы образования.

Внутреннее развитие собственно библиографии неизбежно ведет к ее диалогу с классом родственных наук. Профессиональное сообщество оказывается в постоянной "размытости", в отсутствии предметно очерченных границ. В этом причины легкости возникновения новых модных специализаций и специальностей, пытающихся обосноваться под старой библиотечно-библиографической крышей и претендующих, если не на включение профессии библиографа в новую специальность, то на ее отрицание. О развитии "системы присоединения" речи не идет. Так нарушается и постепенно разрушается столетиями формировавшийся профессиональный уклад жизни и общения.

В советское время власти действовали более осмотрительно. Советское библиотечное дело впервые попыталось внести элемент равноценности, провозгласив профессию библиотекаря — библиографа связующим звеном между профессиями библиотекаря и библиографа. В основу такого решения были положены политические и идеологические мотивы. Обе профессии — библиотекарь и библиограф — становились равно ответственными за чистоту идеологии, критерием которой выступал принцип партийности библиотечно— библиографической работы. Но если в профессии библиотекаря ничего существенно не изменилось, то профессия библиографа стала более привлекательной для тех, кто пользовался ее услугами [2].

Примечателен в этом контексте доклад "Искусство библиографа", подготовленный К. Р. Симоном в 1951 году. Превосходное знание истории мировой библиографии и столь же глубокое знание библиографической практики давало автору редкую возможность ставить в своих исследованиях ключевые вопросы библиографического творчества. Искусство библиографа, по К. Р. Симону, проявляется, в частности, в нахождении правильного соответствия между содержанием книги и содержанием прилагаемой к ней библиографии. Последняя должна быть самостоятельным дополнением к книге. Библиограф на основе своей интуиции отбирает и систематизирует материал, а также формирует свой особый стиль его представления.

Интересно было бы выявить причины и понять, почему библиографии нередко удавалось не только развиваться, но и накапливать большой творческий потенциал, проявление которого мы наблюдали в 70-е годы. Одно из возможных объяснений этому феномену найдено не в библиографической, а в искусствоведческой среде, у профессионалов, которые плодотворно трудились в условиях духовного и материального дискомфорта. Например, когда известному пианисту Владимиру Крайневу задали вопрос: "Почему в закрытом советском государстве происходило такое невиданное накопление творческой энергии, а когда страна начала обмен с Западом, проявились черты острого кризиса музыкального искусства?", музыкант ответил: "Раньше все варились в одном соку: Лемешев, Голованов, Нежданова, Тарасова, Гольденвейзер, Ойстрах, Пастернак были близко знакомы, художественная элита Ленинграда, Киева, Еревана, Тбилиси тесно

общалась — все друг у друга бывали. Дмитрий Журавлев был большим другом и поклонником Генриха Нейгауза, Фальк дружил с Нейгаузом и Рихтером... Взаимоотношения между интеллектуалами России были питательной средой. Наши учителя любили "искусство в себе", а, начиная с нашего поколения, любят "себя в искусстве". У них не было резона думать о деньгах или поездках. Страна открылась, и все засуетились — для творчества стало не хватать сил и времени. Мы боролись за каждую поездку за рубеж, за право... играть! И всю жизнь — борьба" [3].

Задумываясь о том, что лучше для библиографии — "относительно тоталитарный" или "относительно либеральный" курс культурной политики, мы приходим к выводу, что ответ на эти вопросы может быть не столь уж однозначным *. Чтобы идти вперед, надо, видимо, чаще задавать себе и своим коллегам многие другие вопросы, не связанные догмами уходящей парадигмы.

В общественном сознании не только в СССР, но и в некоторых зарубежных странах профессия библиотекаря-библиографа рассматривалась преимущественно как сервисная, сугубо прикладная без права на серьезные теоретические обобщения. За читателем прочно укрепился приоритет относительно оценки ее статуса и перспектив развития. Читательская оценка качества работы библиотекарей, как правило, примитивная и простая, как "да" и "нет", без полутонов. К сожалению, с течением времени она не меняется по своей сути.

У тех, кто ходит в библиотеку и пользуется услугами библиографов, оценка качества осуществляется по двухбальной шкале. Первая — "нормальная", или никакая. В соответствии с этой оценкой претензий к работе библиотеки нет. В нормальных условиях жизни и коммуникации на нее вообще не обращают внимания [4]. Библиотека работает как здоровый организм до тех пор, пока в нем не возникают серьезные помехи. Вторая оценка — "неудовлетворительная", т. е. плохая, вызванная сбоями и нарушениями внутренней библиотечной работы. В читательской среде начинается атака на библиотеку и библиотекарей как на институт, работающий неэффективно.

Библиотекарей и библиографов обвиняют в консерватизме, инертности, косности, неспособности понять технологические изменения, вызванные автоматизацией. Предложения по качественному улучшению ситуации, идущие со стороны библиотекарей и библиографов, сегодня по-прежнему остаются без должного внимания, а их труды — предметом занимательного чтения для специалистов других наук. Настало время и библиотекаря, и читателю задуматься о статусе этой профессии [5]. Однако к определению этого статуса они подходят с разными задачами. Для тех, кто составляет читательскую аудиторию, превалирует потребительский подход. Им неинтересно, что происходит внутри сообщества, им "должны" по Конституции, им важен только результат. Отсюда и две оценки.

Мы с читателями стоим на разных полюсах. Профессия переживает старую парадигму. Как пишет английский писатель Гилберт Адэр, скоро может возникнуть ситуация: "Читатели? А кто это? Что они знают-то?... Большинство полагает, что книжки приносит аист" [6].

Непонимание, в том числе библиографии, к большому сожалению, черта нашего времени. Даже снисходительная оценка со стороны наиболее проникательных ученых не меняет к ней отношения. Повторяется тезис: история ничему не учит. Чтобы его опровергнуть, следует использовать все, чему мы научились в прошлом. Если представления о профессии к началу XX в. были хотя бы приблизительными, то сведения об известных

библиографах — легендарными. Библиографы XVIII—XIX вв. влияли на пробуждение интереса к книге и книжному знанию. С них фактически началось изучение огромного культурного наследия. Теперь должно научиться влиять на будущее, чтобы помочь профессии занять подобающее ей место.

Сегодня отказаться от представления о библиографе как о профессионале, который знает о книге и библиографии нечто такое, чего никто, кроме него, не знает так хорошо, значило бы, что его голос, его мнение среди других мнений не принимаются во внимание. Следуя подобной логике, это означало бы отказ от таких понятий как "библиографический метод", "библиографоведение", "методика и организация библиографической работы", "библиографическое обслуживание", позволяющих профессионалу иметь свои взгляды на информацию, коммуникацию, свертывание, специфику поиска и др.

Следует обратить внимание будущих "электронных библиографов" и пользователей электронных библиотек на опасность абсолютизации ими же создаваемых описаний библиографической действительности. Можно только вообразить, в какой соблазн естественно впасть, если такие описания воплощаются в компьютерные программы, а программа проецируется на библиографическое пространство, и, в пределе, претендует на его подмену... [7].

Наиболее интересные мысли по поводу будущего библиографии будут связаны не с тем, что могут или не должны делать компьютеры, а с тем, в какой мере мы мифологизируем характер наших библиографических знаний. Есть круг проблем, от изучения которых нам не уйти: роль еще не до конца осознаваемого личностного компонента в знании (personal knowledge), не дискретность знания и следующая из этого проблематичность передачи его вовне. Кроме того, наше внимание всегда избирательно, а процесс понимания неотъемлем как таковой от интерпретации.

Библиотечно-библиографическая работа имеет много особенностей и трудностей. Тот, кто ее выбирает как профессию, сталкивается со всеми лишениями и тяготами людей, первыми прокладывающими дорогу к знаниям. Библиограф должен иметь свою особую точку зрения по таким вопросам как актуальность и конечный результат проведенного исследования, должен уметь ее защитить и доказать, испытывая при этом чувство профессионального удовлетворения от сделанной работы. Вместе с тем надо помнить одно: **в библиографии нет ничего интересного, если вы ее не любите** [8].

Нет оснований думать, что библиографии пришел конец. Религии не пришел конец в конце века Просвещения, живопись не закончилась с приходом фотографии и кино. Профессия библиографа переживает старую парадигму. Даже если эпохе от Каллимаха до интернета не найдется места в новой парадигме, все равно останется нечто, что не будет выглядеть устаревшим. Люди будут читать и изучать труды не только К. Геснера или Г. Ф. Дебюра Младшего, но и А. И. Богданова, В. С. Сопикова, Е. И. Шамурина, К. Р. Симона и многих других. Какую роль будут играть эти личности в разговорах наших потомков, никто не знает. Вероятно, будет найдена новая форма "системы присоединения".

Література. Коментарии

1. *Кибрик А. Е.* О "невыполненных обещаниях" лингвистики 50—60-х годов // Моск. лингв. альм. — М., 1996. — Вып. 1. — С. 230-233.
2. Следует отметить, что в справочных изданиях статья "библиограф" появилась раньше статьи "библиография" (указатели назывались "библиотека" и "каталог").

Так, во втором томе "Энциклопедии" Дидро и д'Аламбера статьи "Библиография" нет, а в статье "Библиограф" последний определяется как специалист по старинным рукописям, обладающий познаниями по палеографии и дипломатике (1751. Р. 226-227). В штатном расписании БАН должность библиографа введена в начале 30-х годов прошлого века.

3. *Крайнев В.* Сплошная электрификация: всем все до лампочки // Новая газ. — 2000. — 14-20 февр. (№ 6 (577)). — С. 23.
4. Французский ученый Рене Лериш дает определение "нормальных" проявлений жизни, например: "Здоровье" есть "жизнь [коммуникация] в безмолвии органов". Цит. по: Дамиш Ю. Теория облака: набросок истории живописи / Пер. с франц. А. Шестакова. СПб.: Наука, 2003. — С. 56.
5. Подр. см. об этом: Фонотов Г. П. Об особенности сознания библиотекарей и их празднике // Новая б-ка. — 2004. — № 1 (37). — С. 8-14; № 2 (38). — С. 12-15.
6. *Адэр Г.* Закрытая книга // Иностран. лит. — 2001. — № 6. — С. 48.
7. Определенная часть современных библиографов имеет те же иллюзии относительно перспектив электронной библиографии, что и современники Ильфа и Петрова по поводу изобретения радио (на мой взгляд, очень удачный пример): "В фантастических романах главное — это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет". (Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Ильф И. Записные книжки (1925—1937). М.: Худож. лит. — 1996. — С. 171).
8. Как-то в разговоре о поэзии с академиком М. И. Бudyко в Комарово под Ленинградом Анна Ахматова, шутя, бросила фразу: "Я вообще не люблю стихов". На вопрос — почему? — рассказ о скрипаче. Дирижер на гастролях, дирижируя концертом Бетховена, обратил внимание на гримасу первой скрипки, известного музыканта. После концерта дирижер спросил: "Может быть, Вам не нравится Бетховен или то, как я дирижирую? Ответ: "Я вообще не люблю музыки". (Рассказы Ахматовой // Бudyко М. И. Эпизоды истории: Очерки. — СПб.: Наука. — 2000. — С. 446).